

совпадением двух строк¹ и общностью принципа построения выходного монолога (восхваление достоинств товара и обращение к разным категориям покупателей). Можно думать с полным основанием, что эти незначительные черты сходства были подсказаны самой жизнью, наблюдением над зазывами продавцов — реальной чертой городского быта.

Пьесы были созданы, повидимому, независимо друг от друга. Это тем более вероятно, что сюжет о ловком воре, широко популярный в фольклоре и демократической литературе XVIII века, разработан по-разному в обоих произведениях.

Не похож и сам образ Пирожника, наемного работника, зависимого от хозяина, на Маркитанта, который бойко торгует пирогами на собственный страх и риск и вместе с Мошенниками смеется над одураченным простаком-дьячком.

Нельзя не отметить также словарного различия между интермедией „Стефанотокоса“ 1741 года и „Игрой пирожной“. Разнообразные славянизмы („во здравии“, „во иереи“, „бесчинно“, „за сие“, стяженные формы местоимений „тя“, „ся“) и архаизмы („Галицкой воевода“), столь естественные в пьесе церковно-школьного театра на рубеже 1730-х — 1740-х годов, совершенно отсутствуют в „Игре пирожной“.

Таким образом, утверждение Л. Н. Майкова о „ближайшей связи“ „Игры пирожной“ с третьей интермедией из драмы „Стефанотокос“ не подтверждается сравнительным анализом образов и проблематики произведений.

По своему размеру „Игра пирожная“ оказывается втрое больше соответствующей интермедии (кстати, наиболее длинной из всех интермедий „Стефанотокоса“ — она включает в себе 210 стихов); вряд ли сравнительно большая пьеса — в 654 строки — могла быть исполнена в антракте другого произведения. Гораздо больше оснований считать ее бытовой одноактной комедией городского демократического театра середины или второй половины XVIII века, подобно вышеназванным пьесам („Интермедия о свадьбе однодворцовой дочери“, „Интермедия курioзная и увеселительная о старце“), которые лишь по традиции именовались интермедиями, а по существу были бытовыми одноактными комедиями.

В „Игре пирожной“ намечаются отчетливые черты сходства с особенностями исполнительских принципов и композицией устной народной драмы, которые лишь частично встречались в интермедиях школьного театра первой половины XVIII века.

Выше приходилось отмечать такие черты в композиции „Игры пирожной“, как повторы эпизодов, приемы внешнего комизма, прямое обращение к зрителям, сплетение трагического с комическим. К ним можно прибавить также народно-поэтические приемы: употребление своеобразных постоянных формул, введение в текст комических перебранок, не раз встречающийся прием утроения.

Остановимся несколько подробнее на тех элементах поэтики устной народной драмы, которые требуют особого внимания.

Кроме финала (самоубийство Пирожника), приемы повтора и, еще чаще, утроения, встречаются в пьесе очень часто. Например, Пирожник имеет дело с тремя покупателями (Подьячий, Солдат, Голый), Подья-

¹ Ср., например:

Интермедия	„Игра пирожная“
То здесь пироги горячи Едят голодны подьчи.	Пироги горячи Едят подьчи.